

«ТИТАНИК-ВАЛЬС» и «БЕЗЫМЯННАЯ ЗВЕЗДА»

О стилевых особенностях двух спектаклей

Советскому зрителю еще мало известна богатая и разнообразная драматургия Румынии. Поэтому особенно радует, что в нынешнем сезоне ленинградские театры показали две пьесы румынских драматургов. В Театре им. А. С. Пушкина идет комедия Тулора Мушатеску «Титаник-вальс», в Большом драматическом — «Безымянная звезда» Михаила Себастьяна.

Различные по темам в художественном интонациях пьесы роднит одна общая черта: действие их происходит в среде провинциального мешанства буржуазной Румынии, время действия — двадцатые — тридцатые годы.

И у театров, поставивших эти комедии, разный творческий почерк. Разные режиссеры работали над спектаклями — Г. Товстоногов и Р. Сирота поставили «Безымянную звезду», Р. Агамирзян — «Титаник-вальс». Разные художники оформляли постановки: в Большом драматическом театре — С. Мейндель, в Театре имени Пушкина — А. Лидер. Но в этой непохожести есть нечто общее — известное смешение стилей в сценическом прочтении пьес.

В умении Тулора Мушатеску одной-двумя репликами раскрыть всю неприглядность внутреннего облика своего героя, в том, как писатель

доводит обличение пошлости их мешанского существования до гротеска, явно ощущаются национальные традиции румынской комедии и прежде всего драматургии И. Л. Караджале.

Сатирически изображена в комедии Мушатеску механика буржуазных выборов. Сосед разбогатевших Некушулеску, явившийся получить с господ за гуся, которого раздавил велосипедом их младший отпрыск Дедебала, амекает между прочим, что «голоса (избиратели) обходится дороже гуся». Остро высмеивает драматург пресловутую «свободу» выборов:

Миза. Я слышала, что выборы будут свободные.

Дачия. Конечно, свободные... То есть каждый голосует, за кого хочет, а выберут, кого надо.

Кириянина. Вот это правильно: настоящие свободные выборы.

Помыслив всех членов семьи господина Спираке Некушулеску, кроме самого господина Спираке, мягкого и простодушного человека, в Джене, его дочери от первого брака, обращает в наследство, которое они получают после смерти дядюшки Таке. Но и деньги не приносит ни счастья; богатство только позволяет Кириянке, теще господина Спираке, насладиться завистью знакомых; его супруге Дяни — обзавестись роскошным, безвкусно обставленным домом; бездельнику и слугу Траяну, их старшему сыну, — приобрести скаковых лошадей, а любимице семьи Мизе — выспаться из Парижа диковинную собачку.

Даже в несчастье герои Мушатеску смешны. Миза скоро станет матерью внебрачного ребенка. Она в отчаянии. Кажется бы, зритель должен сочувствовать героине... Но ви-

деть не бывало! Миза вовсе не теряет самообладания, она готова бросить ребенка, свалить свою вину на сестру, прикрывать грех браком с явным же подозревающим Дяну.

Все поведение Мизы вызывает смех зрительного зала даже в самых драматичных сценах пьесы. Это происходит потому, что Л. Штыкан, исполняющий роли Мизы, безошибочно почувствовал и передал авторское отношение к образу и происходящему. Штыкан все время как бы чуткою ярирует над своей героиней, набегая мелодраматичности, особенно опасной в сцене свидания с покинувшим Мизу возлюбленным.

В том же ключе играет актер Ю. Островский роль Жоржа Стаматеску, глумливого офицера, покорившего сердечко Мизы и по-своему любящего девушку.

Энергично командует мужем Дачия — Е. Карякина. Привыкнув свою жизнь считать каждую копейку, она теперь распоряжается горничными и поварями, катает и некатит пьет лекарства, принимает по утрам ванну, носит умопомрачительные халаты. Актриса подчеркивает пренебрежение, с которым эта грубая и жадная женщина относится к своему честному и непрактичному мужу. Хочет того или не хочет господин Спираке, а уж он станет депутатом, раз этого пожелала Дачия. У разбогатевшей мешанки остались прежние вкусы и представления. Все то же заискивание перед сильным, все то же стремление унизить слабого. Прежде — мечт о охорашивании спялзне, теперь — о шикарном доме в Бухаресте. Воинствующее мешанство ярко воплощено Карякиной в образе госпожи Дачия.

Л. Штыкан и Е. Карякина раскрывают свою собственную Мушатеску сатирическую заостренность характеров. Но, быть может, наибольшая комедийная нагрузка ложится на роль Кириянки. Драматург довел черты характера Дачия в образе ее матушки до абсурда. Здесь все на грани шаража. Но актриса А. Козлова играет роль Кириянки в бытовой манере. Так начинается смешение стилей в постановке комедии. Складывается впечатление, что пьесу играют актеры из разных спектаклей.

Вероятно, «Титаник-вальс» можно прочитать и как бытовую комедию. В таком случае сценический образ, созданный арт. Козловой, становится вполне уместен, тогда, возможно, окажется соответствующим прочтению пьесы и рисунок роли Дачия, замеченный артисткой Л. Дачко. Но в таком спектакле не смогут жить ни Миза — Штыкан, ни Дачия — Карякина.

Режиссер всерьез стремится оживить спектакль, но не всегда его выдумка отвечает стилю пьесы. Если уместен в этой комедии дикий текст, едва ли нужны отдельные фотографии героя, замещающие почему-то первый диалог комедии, и уж соросен ни к чему фарсовая трактовка роли горничной. В спектакле почти неопущены национальный колорит.

В спектакле Большого драматического театра есть и крестьянин в национальном костюме со связкой спялзне в руках, и красивые румынские домики, и вполне выдержанный интерьер, хотя лирическая и психологическая пьеса Михаила Себастьяна не протронула бы и в том случае, если бы всех этих бытовых подробностей не было. Пожалуй, условная манера сценического решения спектакля больше соответствовала бы особенностям драматургии Себастьяна, которые так проникновенно воплощены постановщиками спектакля и артистом П. Крымовым в образе провинциального учителя астрономии.

Одаренный, но чуть надломленный человек звялхается в обывтельском болоте крошечного городка. Мечтатель и ученый, влюбленный в науку о звездах, он уже не верит, что к нему когда-нибудь заглянет любовь. Сеть условностей мешанского быта опутывает его жизнь, он вынужден общаться с людьми, подобными персонажам Мушатеску. Зато ночью, наблюдая звезды, всей своей темпераментной натурой отдаваясь любимой науке, учитель счастья. Такая учитель Мирюю в исполнении Крымова.

Все события пьесы происходят в одну ночь и наступившее за него утро. Но сколько разнообразных переживаний выпало на долю учителя! Радость, что, наконец, получил звездный атлас, на покупку которого он долго-долго откладывал деньги, внезапно сменяется восторгом перед ошеломляющим появлением Моны, женщины, столь чуждой всему этому миру, словно она упала с неведомой звезды... Стоя за нищенское жилье, за досадное ночное вторжение учительницы физики мадемуазель Куку, боясь обывательских сплетен тесно сплетены с охватившей учителя страстью к незнакомке, Мирюю — Крымов не может поверить в свое неожиданное счастье и в то же время верит в него. Он понимает, что теряет Мону и не хочет этого понять...

Глубоко трагична сила, когда учитель — Крымов, уже поверивший, что незнакомка останется с ним, радостный и взволнованный, бежит в комнату и наталкивается на Грнга, партнера Моны, приехавшего за ней. В руках только что купленное для Моны красное платье, на лице еще блуждает блаженная улыбка, во всей фигуре растерянность и недоумение...

Образ, созданный Крымовым, непотворимо индивидуален. Он вместе с тем в нем как бы обобщается судьба человека сложного и талантливого, обреченного жить среди обывателей.

Героине пьесы Себастьяна Мона не задушивается о своей судьбе. Но ее живая душа страдает от пустоты праздного существования, содержания, от связи без любви, от бесконечного одиночества развлечений. Мона и не подозревает, что есть иные люди, чем светские шалопаи, игроки и циники, подобные ее любовнику Грнгу. Еспленет страстность, с какой учитель говорит о неведомой звезде.

Мона — Н. Ольхия очень красива, очень избалована, очень увлечена новыми впечатлениями. И все же это не тот женский образ, который задуман драматургом. Героине Ольхия недостает сложных сочетаний: детскости и пресыщенности жизнью, стремления к истинной любви и безволия. Эта насколько земная, цветущая красавица отнюдь не то создание, о котором Грнг говорит:

«Иа чего ты сделала? Немного духов, много леви и некоторая доля фантазия».

Трудно представить себе, что Мона в исполнении Ольхия не знает, что за железнодорожный билет надо платить деньгами, а не фишками на клявено. Не верится в ее душевное смирение, когда рушится мечта о новой, радостной жизни с учителем.

Роль старой девы — преподавательницы физики поручена в спектакле артисту Е. Лебедеву. И получился очень смешной гротеск, вполне уместный в сатирической пьесе Тулора Мушатеску, но противоречащий художественному строю трагической комедии Михаила Себастьяна, близкой трагическим комедиям Чехова.

В небольшой газетной статье трудно высказывать все впечатления, полученные от двух таких разных спектаклей, как «Безымянная звезда» и «Титаник-вальс». Не претендуя на всесторонний разбор спектаклей, мы касаемся лишь одного вопроса — неточного восприятия и передачи стилевых особенностей драматургии.

Н. СЧЕТКОВА